

— Цзыцянь, не то, что ты думаешь, я и Юньси... мы не... — Ло Дун наконец опомнился и поспешил объяснить Цзыцяню, но слова никак не складывались. Как он мог объяснить этому разгневанному мужчине, что он не пришел сюда, чтобы соблазнить его племянника? С другой стороны, он что, напился или ему голову прищемили? Как он мог так ошибиться? Ло Дун любил молодых и красивых, и его репутация была немного ветреной, но он не был настолько глуп, чтобы потерять голову из-за кого-то. Насколько же он должен быть подонком и безмозглым, чтобы зариться на внука семьи Чжоу?!

С точки зрения Ло Дуна это недоразумение казалось невероятным, но для Цзыцяня все выглядело иначе. В его глазах Е Тао был не человеком, с которым Ло Дун дружил много лет, а неопытным юнцом. Если он мог флиртовать со своим дядей и даже пытаться покончить с собой из-за этих неприемлемых чувств, то что он еще мог сделать?

Самое главное, Цзыцянь не мог понять, что связывало его племянника с Ло Дуном. Или, точнее, он мог понять, и это его пугало. Чем больше он беспокоился, тем сильнее подозревал. А услышанные за дверью слова только усиливали его подозрения.

— Нет, Цзыцянь, послушай меня, это действительно недоразумение, — Ло Дун не боялся испортить отношения с Цзыцянем, но он беспокоился за Е Тао.

К сожалению, как бы красноречив ни был Ло Дун, Цзыцянь не слушал и не верил.

Ты уже уговаривал его сбежать, что еще можно сказать? Цзыцянь, вспоминая услышанные за дверью слова, почувствовал, как кровь приливает к голове. Он с трудом сдерживал ярость, глядя на Ло Дуна:

— Нечего больше говорить. Считаю, что я сам виноват, что позволил тебе так поступить. Но запомни, это в последний раз! Если ты еще раз попытаешься что-то затеять, я не стану церемониться!

Ло Дун, глядя на мрачное лицо Цзыцяня, понял, что сейчас не время для объяснений, и спокойно сказал:

— Ты сейчас в гневе и ничего не слышишь. Давай, когда ты остынешь, встретимся и все обсудим.

Цзыцянь не хотел больше с ним разговаривать. Он схватил Е Тао за руку и потащил его из южного зала. Е Тао, спотыкаясь, вышел за ним. Слуги, которые обычно находились во дворе, были заранее отправлены, и во дворе никого не было.

Неизвестно, услышал ли дядюшка Чжоу шум или просто следил за южным залом, но как только они подошли к воротам, он вышел из соседнего двора.

Цзыцянь, не останавливаясь, бросил:

— Проводи гостя.

Дядюшка Чжоу поспешно согласился, направившись в южный зал. Но прежде чем он успел войти, Ло Дун вышел.

Дядюшка Чжоу слегка поклонился:

— Господин Ло, прошу вас, возвращайтесь.

Ло Дун рассеянно кивнул, глядя на Е Тао, которого Цзыцянь тащил во внутренний двор. Он нервно почесал затылок. Что за чертовщина?!

Цзыцянь, боясь, что в порыве гнева он может задушить Е Тао, отпустил его руку, как только они вошли в дом, и приказал:

— На колени!

После этого он, не оглядываясь, зашел в свою комнату.

Дождь, который собирался весь день, наконец начался ночью. Тяжелые тучи разрывались вспышками молний, а гром гремел громче, чем в разгар лета.

После приступа ярости Цзыцянь осознал, что потерял контроль. Было множество способов предупредить Ло Дуна, чтобы тот не лез к его племяннику, но прямое обвинение было самым глупым и неподходящим. В результате оба потеряли лицо, и это никому не пошло на пользу.

Цзыцянь стоял у окна, его лицо, уже не столь гневное, но все еще выражающее досаду, освещалось вспышками молний. Он не понимал, что с ним происходит. Подобное уже случалось раньше, и тогда он справлялся с этим легко, но на этот раз все вышло из-под контроля.

Холодный осенний дождь проникал в комнату через неплотно закрытую дверь, и Е Тао, стоящий на коленях, чувствовал холод в спине и ногах.

Время шло, часы пробили два раза, а в комнате Цзыцяня не было ни звука, словно он и не помнил, что кто-то стоит на коленях в зале.

Баобао не знал, в чем провинился Е Тао, но он лучше всех знал, насколько слабым было здоровье Е Тао.

Несколько раз Баобао хотел постучаться в дверь, но Е Тао останавливал его. Баобао понимал, что даже если он вызовет Цзыцяня, он не сможет заступиться за Е Тао. Но он не мог просто смотреть, как его друг, только что оправившийся от болезни, страдает.

— Согрей мне руки, — Е Тао поднял черного котенка, якобы для того, чтобы согреть руки, но на самом деле он обнял его, одной рукой поддерживая, а другой гладя по спине.

Баобао хотел спросить, в чем провинился Е Тао, что его так наказали, но он не мог говорить. Он только смотрел на Е Тао, пытаясь передать свой вопрос взглядом.

Е Тао с мягким взглядом, в котором читалась странная, необъяснимая эмоция, наконец тихо заговорил, но ответ был не на вопрос:

— Баобао, тебе нужно учиться взрослеть.

Баобао смотрел на него с недоумением, не понимая, что он имел в виду.

Е Тао холодными пальцами погладил голову Баобао, не объясняя.

Е Тао всегда был спокоен, казалось, что его ничего не волнует. Но, как он сам говорил, он был всего лишь обычным человеком. Он испытывал те же чувства, что и все, и не мог избежать привязанностей и обязательств.

Он выжил до сих пор только благодаря тому, что занял тело Баобао. Случайно это было или по воле судьбы, но результат был один: он больше не мог вернуть его. Ты не можешь сказать, что это было вне твоего контроля, и поэтому не чувствовать вины. Е Тао заботился о Баобао с чувством долга. Если бы Баобао был один, как он, он готов был бы долгое время заботиться о нем и быть его опорой. Но у Баобао была семья и дом, а Е Тао рано или поздно должен был уйти отсюда и вернуться к своей жизни.

Каждый спектакль рано или поздно заканчивается. Он не мог потратить оставшиеся годы, или даже десятилетия, играя роль другого человека. Во-первых, у него не было на это сил, а во-вторых, он, вероятно, уже начал выдавать себя.

Сегодняшний инцидент вряд ли был случайностью. Е Тао подозревал, что Цзыцянь что-то заподозрил и устроил эту проверку. Хотя сегодня его только неправильно поняли, но это уже говорило о том, что Цзыцянь начал сомневаться. Настало время подумать о том, как уйти.

— Мяу, — Баобао тихо мяукнул, затем прыгнул с рук Е Тао и сел рядом с ним, глядя на закрытую дверь.

Шаги приближались, дверь открылась, и вышел Цзыцянь. Неизвестно, чем он занимался в своей комнате несколько часов, но его одежда, испачканная супом, до сих пор не была сменена. Она уже высохла, оставив лишь небольшое пятно.

Е Тао спокойно взглянул на него, затем опустил глаза. Холодный ветер, проникавший в комнату, и долгое стояние на коленях сделали его лицо бледнее обычного, но его выражение было спокойным.

Глядя на это слегка опущенное, но не испуганное лицо, Цзыцянь на мгновение потерял дар речи. Он не понимал, то ли он сам стал глупее, то ли его племянник, пока он не замечал, превратился в настоящего мастера. Он, переживая за него, терял самообладание и вел себя как глупец, а тот оставался спокойным, словно это его не касалось.

— Ты не думаешь, что поступил неправильно? — Цзыцянь, потирая лоб, сел на диван.

— Я не уверен, что сделал что-то неправильное, но я точно знаю, что ты ошибся, — Е Тао не знал, что именно заподозрил Цзыцянь, но решил отвечать прямо. — Мы с Ло Дуном просто хорошо ладим, это не то, что ты думаешь.

— Хорошо ладите? — Цзыцянь хотел рассмеяться, но не смог. — Не говоря уже о том, что вы могли обсуждать, скажи мне, если ты не виноват, почему ты скрывал от меня, что вы общаетесь?

— А откуда ты знаешь, что мы общаемся?

— Сейчас я задаю вопросы! Отвечай честно, не пытайся хитрить.

Малышам, наверное, было тяжело ждать вчерашней главы? Как только вспомнил, как сам саморвался от нетерпения, ожидая обновлений, поспешил написать и выложить еще одну главу.